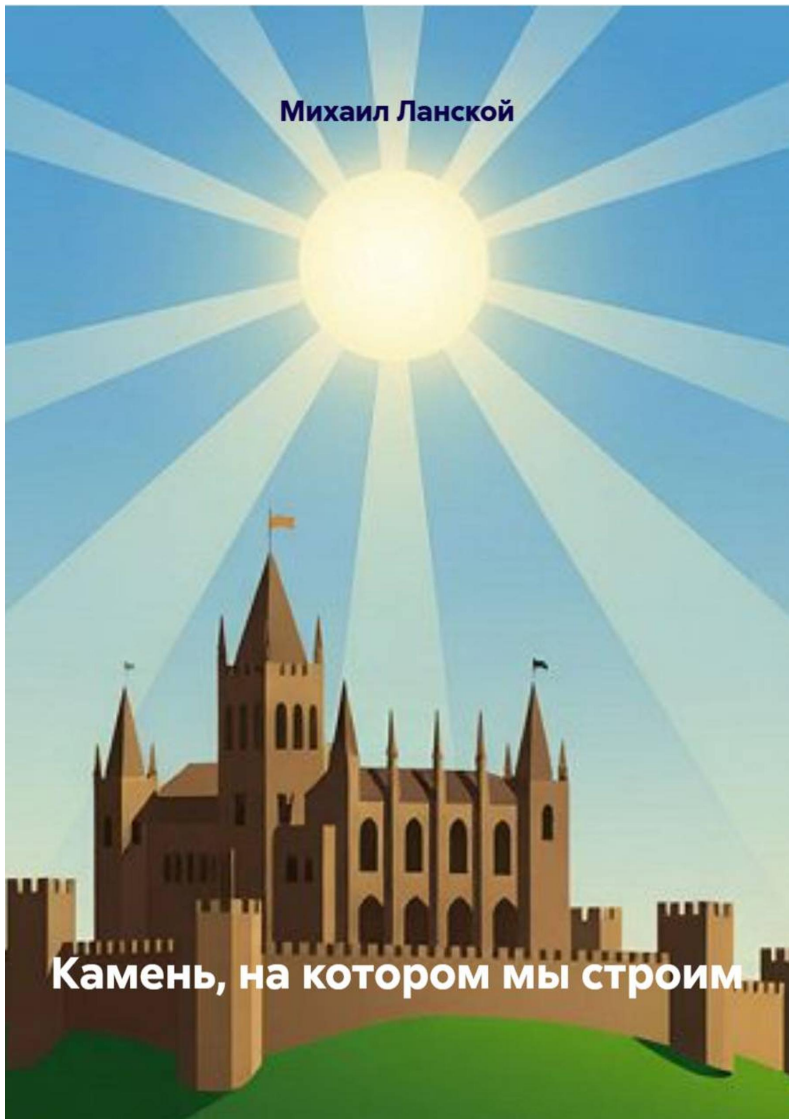

Михаил Ланской

Камень, на котором мы строим

Михаил Ланской

Камень, на котором мы строим

<https://litres.ru/74651408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Севиля, Золотой век. Эпоха, когда империя купается в серебре колоний, а в переулках умирают от голода.

Диего де ла Вега, сын убитого идадьго, прошел путь от замерзающего сироты до Верховного инквизитора. Он не фанатик с факелом, а гениальный архитектор. Диего уверен: люди - это слабое стадо, которое тайно жаждет рабства. Христос ошибся, дав им свободу; Диего исправит эту ошибку.

Он строит идеальное государство. Его инквизиция — это холодное министерство, где пытки заменены бессонницей, а костры горят строго по расписанию. Он монополизирует хлеб, чудо и страх, давая толпе сытость в обмен на отказ от выбора.

Но когда в город приходит настоящий Странник, способный исцелять одним взглядом, безупречная логика Диего дает трещину. Роман исследует цену абсолютного порядка и бремя того, кто решает за человечество, что для него лучше. История о том, как строитель идеальной тюрьмы однажды обнаруживает, что сам стал ее главным заключенным.

Содержание

Эпиграф	4
Начало	5
Архитектор	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Ланской

Камень, на котором мы строим

Эпиграф

«Завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгребать горячие угли к костру, на котором Ты будешь сожжен за то, что пришел нам мешать» (Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»).

Начало

Алебарда и дароносица

Кастилия, 1521 год. Год, когда земля перестала родить, а небо забыло, как выглядит дождь.

Диего было десять лет, когда он впервые понял, что Бога нет. Или, что было куда страшнее для детского разума, Он есть, но Он слеп, как его собственная мать в последние три дня.

Они сидели в алтаре деревенской церкви Сан-Мигель. Мать прижимала к себе его голову, задыхаясь от лихорадки, а Диего слушал, как снаружи воет ветер и хрустит под сапогами сухая грязь. Восставшие коммунерос прошли через их деревню два дня назад, выгребая последнее зерно. Они не тронули церковь - им нужен был хлеб, а не ладан. Но следом за ними, как воронье на падаль, пришли ландскнехты императора. Этим не нужен был хлеб. Им нужно было вино и забава.

Сквозь щель в старых досках Диего видел их лица - красные, потные, с ощеренными в хохоте ртами. Они рубили деревянную резьбу на исповедальнях, чтобы разжечь костер прямо на каменном полу нефа. Пахло паленым волосом, кислым пивом и страхом.

Один из солдат, огромный швейцарец с бородой, заплетенной в косу, пинком вышиб дверь в алтарь. Он не был

злым. Он был пьяным и скучающим. Его взгляд упал на дароносицу, тускло поблескивающую на престоле. Швейцарец пьяно икнул, шагнул вперед и занес над золотом тяжелую алебарду.

- Оставь, Ганс, - лениво бросил его товарищ. - Латунь. - Свинец с позолотой, - хмыкнул Ганс и со всей силы ударил лезвием по чаше.

В этот момент мать Диего перестала дышать. Она не издала ни звука, просто обмякла, и ее горячее тело стало тяжелым, как мешок с отрубями. Мальчик не заплакал. Он смотрел на алебарду.

Лезвие коснулось дароносицы. Раздался звук, похожий на удар колокола, только сухой и ломкий. Алебарда выпала из рук швейцарца. Он схватился за грудь, выпучил глаза, из его рта хлынула черная пена, и великан рухнул на каменные плиты, сотрясая древний храм.

Мертвая мать на руках Диего была тяжелой. Мертвый швейцарец у его ног казался легким, как пустой мешок. Бог ударил одного солдата за то, что тот посягнул на святыню. Но Бог не ударил остальных, которые в этот самый момент вытаскивали из амбара их последнюю пшеницу. Бог не послал дождя, чтобы спасти урожай. Бог не исцелил лихорадку матери. Он просто убил одного дурака с алебардой, чтобы показать, что Он здесь.

Диего закрыл матери глаза. Пальцы мальчика были черными от золы, которой она пыталась оттереть пятна с его ру-

бахи этим утром. Он взял с престола нетронутую дароносицу. Она была тяжелой и холодной. Он спрятал ее в полуистлевший плащ матери и вышел из алтаря.

Логика камня

Монастырь Санта-Крус в Вальядолиде пах ладаном, вощенной бумагой и тушеной капустой. Здесь кормили дважды в день. Для мальчика, чьи внутренности за полгода привыкли к пустоте, этот запах был запахом рая.

Брат Томас, монах, заведовавший послушниками, был круглым, мягким и пах свежей выпечкой, хотя сам ее никогда не пек. Он дал Диего миску бобов, чистую тунику и Библию на латыни. - Читай, сын мой, - сказал брат Томас, погладив его по стриженной голове. - Здесь Слово Божье. Оно насытит тебя лучше хлеба.

Диего читал. Но Слово Божье казалось ему издевательством. Он закрывал Евангелие от Матфея и открывал потрепанный кодекс с «Дигестами» Юстиниана, который нашел в пыли скриптория.

Римское право было честным. Оно не предлагало камней вместо хлеба. Оно четко формулировало: *Pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), *Ignorantia legis non excusat* (незнание закона не освобождает от ответственности). В праве не было противоречий. Если ты украл - ты теряешь руку. Если убил - жизнь. Это была математика, высеченная в камне.

Христос же был плохим управленцем. - *Не хлебом единым*

будет жив человек, - бормотал Диего, глядя, как брат Томас тайком сует краюху хлеба в корзину нищенки у ворот. Мальчик подошел к монаху вечером, когда тот запирал кладовую. - Брат Томас, - сказал Диего. Голос его был лишен всякого детского звона, он звучал сухо и ровно. - Зачем вы отдаете хлеб? Томас вздрогнул и перекрестился. - Милосердие, дитя. Так велел Господь. - Господь велел идти за Ним, оставив отца и мать. А еще Он велел не бросать святыни псам. Если мы отдадим весь хлеб нищим сегодня, завтра мы сами станем нищими. И хлеб закончится. И тогда мы убьем друг друга за корку. Разве это милосердие?

Брат Томас смотрел на бледного, остроносого мальчика, и ему стало зябко. В глазах Диего не было злобы. В них была ледяная, безупречная геометрия.

Искушение, которое не состоялось

К пятнадцати годам Диего де ла Вега (фамилию ему дали в приюте, она значила «из оврага») стал лучшим ритором обители. На диспутах он разделял магистров теологии, как кухарка - цыпленка.

Его главным оппонентом был брат Алонсо, толстый и добродушный профессор, любивший цитировать Августина. - Диего, сын мой, - гудел Алонсо, утирая пот со лба после очередной защиты, - ты защищаешь империю с пылом язычника. Но Церковь - это корабль Петра, а не казарма Цезаря. Любовь - вот главный догмат. - Любовь - это химера, - отвечал Диего, поправляя складки своей новой, идеально чистой

сутаны. - Она субъективна. Сегодня я люблю брата, завтра он меня предаст. Закон - объективен. Империя - объективна.

Тема их главного диспута звучала так: «Оправдана ли жертва Христа с точки зрения государственного блага?» Диего вышел на кафедру. В зале стояла тишина, пахнувшая старой пылью и свечным салом. - Учитель наш отверг три дара в пустыне, - начал Диего, и его голос, усиленный акустикой собора, казался голосом взрослого, уставшего мужчины. - Он отверг хлеб. Он сказал, что не хлебом единым жив человек. Но человек, отцы мои, прежде всего жив именно хлебом. Отвергнув хлеб, Он обрек миллиарды своих последователей на голод. Он сделал паузу, обводя взглядом лица магистров. - Он отверг чудо. Сказал, что не подобает искушать Господа. Но толпа жаждет чуда не ради истины, а ради покоя. Дайте толпе чудо, и она сама наденет на себя цепи. Отказавшись от чуда, Он оставил веру хрупкой, зависимой от личного выбора каждого глупца. - И, наконец, Он отверг власть. Все царства мира. Он сказал: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Но человек слаб. Человек не хочет служить невидимому Богу, который требует от него свободы. Человек хочет служить видимому королю, который дает ему защиту. Отвергнув власть, Он оставил мир пустым. И в эту пустоту вошли тираны, ереси и кровь.

Диего сошел с кафедры. Он не победил в споре - по правилам ордена нельзя было отрицать божественность Христа. Но когда он проходил мимо скамьи брата Томаса, старый мо-

нах вдруг вцепился в его рукав. Пальцы Томаса дрожали. - Что ты делаешь, Диего? - прошептал он. - Ты строишь храм на костях и называешь это любовью. - Я строю его на камне, брат, - тихо ответил Диего, осторожно высвобождая рукав. - На том самом камне, который отвергли строители. И этот храм простоит, когда от вашего корабля Петра останутся только щепки.

В ту же ночь брат Томас был найден в своей келье. Он повесился на собственном поясе, оставив записку, в которой просил прощения у Господа за то, что не смог достучаться до сердца мальчика. Диего стоял в толпе монахов, слушая заупокойную молитву. Он не чувствовал вины. Он чувствовал только досаду: Томас был хорошим человеком, а значит - слабым. Слабость всегда создает лишние хлопоты.

Через месяц, по рекомендации приора, Диего де ла Вега отправили в Саламанку, в университет, изучать каноническое право. В его дорожной суме, завернутая в грубое полотно, лежала золотая дароносица из церкви Сан-Мигель. Он так и не продал ее. Она была его первым научным доказательством: Бог существует, но с ним можно договориться, если правильно понимать правила игры.

Архитектор

Запах дыма и мокрой кожи

Саламанка научила его языку, на котором Рим разговаривал с миром. Это не была латынь месс и псалмов - мягкая, певучая, полная ласки и надежды. Это была латынь квири-тов, язык параграфов, исковых заявлений и смертных приговоров. Латынь, в которой слово *роена* (наказание) этимологически восходило к *роеним* (испытание боли), и это казалось Диего высшей справедливостью.

В двадцать два года он покинул стены университета. Его ум был отточен, как стилет, а сердце высушено, как пергамент. Он не искал прихода, где можно утешать вдов. Он искал канцелярию, где можно управлять вдовами.

Его заметил епископ Альваро де Сольедо, инквизитор трибунала Арагона. Сольедо был стар, болен подагрой и обладал нюхом ищейки на системные сбои. - Ты слишком молод для сана, Диего, - прохрипел епископ, разглядывая юношу поверх очков в серебряной оправе. - Но ты пишешь протоколы так, будто чинишь часы. Ни одного лишнего слова.

Диего получил должность *familiaries* - светского помощника, не имеющего сана, но наделенного властью задавать вопросы. Его первое дело не касалось ни ереси, ни хулы на Деву Марию. Оно касалось шерсти. В Сарагосе суконщики тайно продавали товар маврам, нарушая монополию короны. Дело

пахло не костром, а виселицей, но Диего увидел в нем большее.

Он не стал пытаться подмастерьев. Он три недели изучал книги учета. Он пришел к цеховому мастеру, старому еврею, выкресту, дрожавшему от одного вида лиловой мантии трибунала. - Ты продал двадцать рулонов кастильского сукна в Тетуан, - сказал Диего, не глядя на старика, а перебирая бумаги. - Ты указал в таможенной декларации, что это ветошь для подстилки в конюшнях. - Господин, сукно было с браком! - взмолился старик. - Одна партия! Я отдал за бесценнок! - Ты отдал его за бесценнок, потому что мавры заплатили серебром, которое не облагается налогом короны, - Диего поднял на него глаза. В них не было гнева. - Ты не предал веру, Исаак. Ты просто плохой математик. Ты нарушил логику системы.

Вместо того чтобы отправить старика на допрос с пристрастием, Диего составил проект новой декларации. Он предложил короне не вешать Исаака, а монополизировать торговлю с маврами через подставных христианских перекупщиков, забирая себе сорок процентов прибыли. Епископ Сольедо прочитал доклад, пожевал сухими губами и впервые за десять лет улыбнулся. - Ты не палач, Диего. Ты архитектор. Палач просто рубит. Архитектор заставляет камни лежать там, где нужно, чтобы здание не рухнуло.

Крестьянская война

В 1524 году пламя, тлевшее в университетских диспутах,

вырвалось на волю. В Германии восстали крестьяне. Тысячи людей, вооруженных косами и цепами, жгли замки, делили земли и объявляли себя «истинной церковью». Во главе многих отрядов стояли анабаптисты - люди, отрицавшие крещение младенцев и утверждавшие, что Бог говорит с каждым напрямую.

Для Рима это была чума. Для Диего - идеальный полигон. Его отправили в придунайские земли в свите папского легата. Имперские армии ландскнехтов уже заливали кровью Швабию и Франконию. Они резали повстанцев, как скот, не разбирая, кто из них еретик, а кто просто батрак, пошедший за толпой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.